

С.И. Кормилов

Основные вехи биографии и творчества

В ночь со 2 на 3 октября (14/15 октября по новому стилю) 1814 года в Москве у 19-летней Марии Михайловны Лермонтовой, единственной дочери пензенской помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, родился сын, получивший имя Михаил в честь деда по матери, а не по отцу, как было принято в роду Лермонтовых. Отец мальчика Ю.П. Лермонтов, отставной капитан, человек небогатый и, несмотря на доброту характера, известный предосудительным поведением и вспыльчивостью, не пользовался расположением властной тещи, осуждавшей неравный брак Марии и умевшей настоять на своем.

Лермонтовы происходили от шотландца Георга (Юрия) Лермонта, потомка полупроизводного поэта-прорицателя Томаса Рифмача (XIII век), прозванного Лермонтом по наименованию местности, считающегося зачинателем шотландской литературы. После смерти М.Ю. Лермонтова было установлено, что некий Лермонт еще в XI веке помогал королю Малькольму III в разгроме Макбета, которому посвящена трагедия Шекспира. Прапорщик Георг Лермонт в 1613 году перешел от поляков «на государеву службу», дослужился до ротмистра и пустил корни в России. Его прямой потомок обращался к образу своей прародины в стихотворениях «Гроб Оссиана» (1830) и «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...», 1831). «Поэмы Оссиана», якобы переведенные с древнего шотландского языка на английский Дж. Макферсоном (итоговое издание — 1765), несмотря на то, что были лишь мистификацией, оказали мощное воздействие на европейский предромантизм и ранний романтизм; оссианическая традиция сказывается и в некоторых других произведениях юного Лермонтова (наброски поэмы «Олег», 1829, стихотворения «Наполеон», 1829, «Песнь барда», 1830). Вместе с тем он в начале 1830-х годов дважды писал портрет приснившегося ему «испанского предка» Лермы (граф Лерма фигурирует в трагедии Шиллера «Дон Карлос» и романе Лесажа «Жиль Блаз») и первоначально, до 1834 года включительно, подписывался «Лермантов» и «Лерма» (в письмах), отсюда интерес к Испании в творчестве. Но этот мнимый предок, в 1599 году получивший герцогский титул и фамилию по городу Лерма в провинции Бургос, упомянутой в «Балладе (Из Байрона)» 1830 года («Берегись! берегись! над бургосским путем...»), и ставший премьер-министром при Филиппе III, был отставлен за приведшую страну в упадок политику в 1618 году, когда Георг Лермонт уже состоял на русской службе.

Бабушка Михаила Юрьевича по матери происходила из известного и влиятельного рода Столыпиных. Но ее семью одно за другим преследовали несчастья. Муж Елизаветы Алексеевны, предводитель дворянства Чембарского уезда М.В. Арсеньев в ночь с 1 на 2 января 1810 года, после того, как жена не пустила в их имение Тарханы его пассию, соседскую помещицу, отравился, одетый в костюм могильщика из шекспировского «Гамлета», которого он играл в домашнем спектакле. 24 февраля 1817 года совсем молодой умерла от чахотки мать Миши, которому еще не было двух с половиной лет. В июне того же года на Северном Кавказе умер отец Арсеньевой А.Е. Столыпин, 7 мая 1825 года в Петербурге — ее брат Аркадий Алексеевич Столыпин, обер-прокурор Сената, друг М.М. Сперанского, приятель Грибоедова, Кюхельбекера и Рылеева, одобрявший существование тайного общества; 3 января 1826 года в Москве на сороковом году скончался генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, в недавнем прошлом сослуживец и приятель П.И. Пестеля, 3 июня 1830 года в Севастополе во время чумного бунта был убит еще один брат Арсеньевой, севастопольский военный губернатор Николай Столыпин. Вряд ли оставила равнодушным Мишеля смерть его гувернера Капе, бывшего наполеоновского сержанта (1828), и сменившего Капе эмигранта Ж.-П. Келлет-Жандро (1829).

А 1 октября 1831 года в своем тульском имении Кропотово при не вполне ясных обстоятельствах скончался 44-летний Ю.П. Лермонтов.

В черновике стихотворения «Пусть я кого-нибудь люблю...» (1831) юный поэт писал:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя под конец.
В слезах угасла мать моя:
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена!

Мария Михайловна отличалась добротой. Она успела передать ребенку свою музыкальность. Лермонтов записывал в 1830 году:

«Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

Наверняка при смутном воспоминании о ней он думал об ангелах. Через год после приведенной записи в стихотворении «Ангел» он, уверенный, что души людей приносятся на землю ангелами и ими уносятся с земли («ангелы их души взяли» в поэме «Беглец»), рассказал о некоей душе, сохранившей в себе звук ангельской песни — «без слов, но живой». С небесным идеалом оказалось несопоставимо ничто земное:

И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Так буквально с младенческого возраста Лермонтов усвоил себе контраст идеала и реальности. И несмотря на то, что он, единственное родное существо для бабушки, рос у нее в Тарханах баловнем, острое неприятие действительности, в которой есть смерть, сформировало чуткую душу мальчика.

Детство его не было безоблачным. Во-первых, он рос болезненным. В те времена почти любая болезнь ребенка вызывала опасения за его жизнь, и Миша, рано столкнувшийся со смертью, безусловно, это осознавал. Во-вторых, его окружало не только благополучие. Елизавета Алексеевна была довольно строгой помещицей, и мальчик иной раз заступался за провинившихся крестьян, хотел, чтобы у них были новые избы, то есть бывал добр, как его мать, но в его отношении к растениям, насекомым, птицам проявлялись инстинкт уничтожения и детская жестокость; неизвестно, кого или что он себе при этом воображал, но очень вероятно, что так обнаруживалось мстительное чувство к несовершенному миру. В-третьих, при живом отце он рос без отца. После кончины Марии Михайловны Елизавета Алексеевна уговорами и деньгами добилась того, чтобы Юрий Петрович оставил Мишу до совершеннолетия на воспитании у нее. Отец любил мальчика, но понимал, что его средства не позволят обеспечить сыну те блага и то образование, которые ему могла дать Арсеньева. Он принес в жертву свои отцовские чувства. Отношения с тещей у него были не такие, чтобы она ему позволила жить поблизости. Миша это понимал и тяжело переживал семейную драму.

Столкновения между отцом и бабушкой нашли отражение в пьесах «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти» — название дано по-немецки едва ли не из уважения к Ф. Шиллеру как автору наиболее известных пьес с сильными страстями героев) и «Станный человек», написанных прозой в 1830–1831 годах. Определенно сочувствие Михаила было на стороне отца. Отношение к нему проявилось в стихотворении «Я видел тень блаженства; но вполне...» (1831): «О мой отец! где ты? где мне найти/ Твой гордый дух, бродящий в небесах?», «Эпитафия» 1832 года («Прости! увидимся ль мы снова? / И смерть захочет ли свести / Две жертвы жребия земного...») заставляет предположить, что Лермонтов присутствовал, «недвижный, хладный и немой», на похоронах Юрия

Петровича. Оба стихотворения предваряют лермонтовский финальный стих вольного перевода из Г. Гейне «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841), выражающий разочарование в загробном существовании: «...наступило за гробом свиданье... / Но в мире новом друг друга они не узнали». А последние строки «Эпитафии», ответ на обвинения со стороны окружающих в бесчувствии («Безумцы! не могли понять, / Что легче плакать, чем страдать / Без всяких признаков страданья»), — зародыш будущего классического «Не верь себе» (1839). Еще один отклик на смерть отца (1831) открывался словами «Ужасная судьба отца и сына / Жить розно и в разлуке умереть...» Лирический герой Лермонтова даже завидует умершему:

Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!

Поэт оправдывает осужденного «светом» и пренебрежительно пишет о «свете» как непостоянной толпе.

Трагическое мировосприятие мальчика, потом юноши обострялось его чувствительностью и ранним развитием. Среди ночи 8 июля 1830 года Лермонтов вспоминает и записывает:

«Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?»

И рассказывает о девочке лет девяти, виденной «на водах Кавказских», о своей «страсти, сильной, хотя ребяческой», о том, как над ним смеялись, дразнили его и как он плакал. В другой записи:

«1830. (Мне 15 лет.) Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий снурок: он и теперь у меня хранится».

На Кавказские воды, в Горячеводск, впоследствии переименованный в Пятигорск, Е.А. Арсеньева возила внука через всю Россию трижды, летом 1818, 1820 и 1825 годов. То есть он с самых ранних лет познал не только узенький домашний мирок Тархан, но и большой мир. Величественный Кавказ произвел на мальчика неизгладимое впечатление. Он познакомился с жизнью горцев, их фольклором. Вероятно, на Кавказе в 1825 году Мишель прочитал «Кавказского пленника» Пушкина. К жизненным впечатлениям добавились многочисленные литературные. В ноябре 1827 года Лермонтов завел тетрадь «Разные сочинения» и переписал в нее отрывки из произведений Сент-Анжа, Лагарпа, «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и поэму Байрона «Шильонский узник» в переводе Жуковского (4-стопный ямб с одними мужскими, ударными окончаниями, которым она написана и который вообще характерен для английской поэзии, вскоре станет излюбленной стиховой формой Лермонтова, обращавшегося к ней вплоть до последней своей романтической поэмы «Мцыри»). Поступивший в 1829 году на место умершего Жандро строгий англичанин Винсон (Виндсон) помог Лермонтову за несколько месяцев овладеть английским языком так, чтобы свободно понимать Байрона, Томаса Мура, Вальтера Скотта, Шекспира (без речевой практики) — по Байрону он и учил язык, «французским же и немецким языком владел как собственным». «Восточные» поэмы Байрона («Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара») окончательно определили «жанр и стиль юношеских поэм Лермонтова — поэм не столько повествовательных, сколько лирических, малых по объему, с небольшим числом действующих лиц и с мятежным героем, противостоящим окружающей среде» (В. Мануйлов).

В 1828 году Арсеньева и Лермонтов приехали в Москву. Михаил поступил в университетский благородный пансион, одно из лучших учебных заведений России. Новые впечатления и качественные изменения в системе получаемого образования пробудили в четырнадцатилетнем мальчике страсть к собственному поэтическому творчеству. Два года спустя Лермонтов сделал запись о том, что он стал «марать стихи в 1828 году»,

но слова «в пансионе» зачеркнул, видимо, вдохновение к нему пришло немного раньше. А подбирать слова в рифму он начал еще совсем маленьким.

Пансион имел «литературное» направление, профессора всячески поощряли стихотворные опыты воспитанников. В правительственных же кругах существовало недовольство слишком независимым образом мыслей, прививаемым юношеству в пансионе. В марте 1830 года его неожиданно посетил Николай I. Была перемена, подростки свободно резвились и бушевали. Один воспитанник узнал императора, но остальные решили, что тот их разыгрывает. Разгневанный царь устроил нагоняй директору, инспектору, преподавателям и воспитанникам, а вскоре своим указом преобразовал пансион в казенную гимназию. Лермонтов не захотел учиться в гимназии и, подготовившись, поступил (с 1 сентября 1830 года) на нравственно-политическое отделение Московского университета. С 27 сентября по 12 января 1831 года университет был закрыт из-за эпидемии холеры. Но и после возобновления занятий Лермонтов, переросший уже по своим познаниям часть профессоров, увлеченный московской жизнью («Мне здесь довольно весело: почти каждый вечер на бале», – писал он тетке М.А. Шан-Гирей), чтением и собственным творчеством, пропускал многие лекции и получал низкие баллы. «Занятия во вторую половину академического года по разным причинам не могли наладиться, и студенты были оставлены на повторительный курс» к раздражению многих. Осенью Лермонтов перешел на словесное отделение, но там учился еще хуже, презирая рутинеров-профессоров; исторические занятия, однако, он всегда любил. 6 июня 1832 года он по собственному прошению был уволен из университета, что случилось бы так или иначе.

В 1829–1832 годах Лермонтов исключительно много написал (1828 год был еще сугубо ученическим для него как поэта). От этих лет сохранилось немногим менее трехсот стихотворений, полтора десятка поэм, причем «Демон» в четырех редакциях (1829–1831), большая трагедия в белых стихах «Испанцы» (1830) и две прозаические драмы. Творчество Лермонтова «начинается, после небольшой предварительной подготовки, почти внезапным взрывом 1830–1831 годов, давшим, помимо трех драм и семи поэм, около половины всех когда-либо написанных поэтом стихотворений, не говоря уже о многочисленных планах и замыслах, которые не были реализованы» (Д. Максимов).

Летние каникулы 1829–1831 годов Мишель проводил в подмосковной усадьбе Средниково, принадлежавшей Е.А. Столыпину, вдове его двоюродного деда Д.А. Столыпина. Возможно, был он в Средникове и в 1832 году. Здесь юноша увлекается проводившей лето по соседству Екатериной Александровной Сушковой. Ей посвящен лирический цикл 1830 года: «К Су...», или «Черноокой», «Благодарю!» («Благодарю!.. Вчера мое признание / И стих мой ты без смеха приняла; / Хоть ты страстей моих не поняла, / Но за твое притворное вниманье / Благодарю!»), «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...»), «Ночь» («Один я в тишине ночной...») и некоторые другие стихотворения. Сушкова была двумя годами старше Лермонтова, еще не достигшего шестнадцати лет, и не относилась к нему всерьез; он это болезненно переживал. Посетив с компанией молодежи Троице-Сергиеву лавру и услышав рассказ слепого нищего о других молодых господах, «шалунах», смеха ради наложивших ему «полную чашечку камушков», Лермонтов написал стихотворение «Нищий» со знаменитыми строками «А кто-то камень положил / В его протянутую руку» и финальным обращением к Сушковой:

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Но буквально обмана никакого не было, и увлечение Лермонтова кончилось быстро. В Москве его ждала более глубокая и длительная любовь, принесшая ему больше страданий. Цикл стихов 1830–1832 годов адресован Наталье Федоровне Ивановой (1813–1875): «Н.Ф.И.», «Н.Ф.И...вой», «Романс к И...», «К Н.И.....» и многие другие. Здесь Лермонтов

действительно столкнулся с «обманом»: сначала он встретил внимание и приязнь семнадцатилетней девушки, воодушевившие самолюбивого и некрасивого юношу, но потом они сменились холодностью, вызвавшей его тяжелейшее разочарование. В стихотворении «К Н.И.....» (1831) он писал:

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить.
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.

Отношения с Н.Ф. Ивановой показаны также в пьесе «Странный человек» (1831). В предисловии к этой «романтической драме» (авторский подзаголовок) сказано:

«Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтоб они были узнаны, — тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей...»

Трагизм этой истории был, однако, усилен вплоть до смерти в финале автобиографического героя Владимира Арбенина (в предшествующей драме «Люди и страсти» такой же герой Юрий Волин также кончал самоубийством).

Но всю жизнь «занимало» Лермонтова другое «происшествие». Утешение в любовных неудачах он находил в дружеском кругу, преимущественно женском, и особенно в семействе Лопухиных. Постепенно прежние увлечения были вытеснены новым сильным чувством к Вареньке Лопухиной (1815–1851). Она уже не была старше Лермонтова и не смотрела на него свысока. А.П. Шан-Гирей, троюродный брат Лермонтова (пятью годами моложе его), вспоминал, что «это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная». Дети дразнили ее, повторяя: «У Вареньки родинка, Варенька уродинка», но она, добрейшее создание, никогда не сердилась. Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения...» Чувство оказалось взаимным, но его «безотчетность» сказалась в том, что тогда оно не породило такого лирического цикла, как «ивановский» или хотя бы «сушковский»: счастливый Лермонтов не спешил к письменному столу. 2 сентября 1832 года он писал из Петербурга сестре Вареньке М.А. Лопухиной:

«...Москва моя родина, и такую будет для меня всегда: там я *родился*, там много *страдал*, и там же был *слишком счастлив*. Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что делать?»

В отличие от Паруса из посланного М.А. Лопухиной в том же письме стихотворения Лермонтов «бежал от счастья», оставил его в Москве, переехав в Петербург для продолжения образования.

В Петербургском университете ему отказались засчитать курсы, прослушанные в Московском. Нужно было или начинать университетское обучение заново, или избирать совершенно другой путь. В детстве Лермонтов играл в войну с «потешным» войском из крестьянских мальчишек, в тарханском парке для этого были возведены миниатюрные земляные фортификационные сооружения. Генерал М.Х. Шульц, чей рассказ о его ранении подсказал Лермонтову лирический сюжет стихотворения «Сон», впоследствии говорил: «...тогда все дворянство служило в войске и приобретало положение на военной службе». Лермонтов принял почти неожиданное решение поступить в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Это сулило через два года производство в гвардейские офицеры, а последнее — дорогу в большой свет. В середине октября 1832 года поэт писал М.А. Лопухиной:

«...до сих пор я жил для литературной карьеры, столько жертв принес своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин. Быть может, это особая воля providения...»

19 июня 1833 года он сообщал той же корреспондентке:

«...я, пробыв в школе всего два месяца, выдержал экзамен в первый (старший) класс, и теперь один из первых».

Жизнь вне дома, военная муштра переживались Лермонтовым трудно, но он не подавал вида (пожив в палатке в лагере, писал М.А. Лопухиной: «Вы знаете, милый друг, что во мне всегда было влечение к дождю и грязи — и тут, по милости божией, я наслаждался ими вдоволь»).

Его однокашник А.М. Меринский вспоминал:

«В юнкерской школе Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить».

В школе запрещалась художественная литература, нельзя было не только создавать ее, но и читать. Лермонтов, конечно, нарушал запрет, однако стихи его теперь в основном посвящались разгульному и, мягко выражаясь, не слишком приличному поведению юнкеров. Зато, бывая на квартире у бабушки, он стал создавать роман о горбаче Вадиме, сыне помещика, разоренного богатым помещиком Палицыным (реальные источники этой завязки те же, что источники одновременно писавшегося Пушкиным и тоже не законченного романа о Дубровском). Вадим, демонический «высокий» злодей, нанимается в слуги к Палицыну с целью жестоко ему отомстить; у Палицына же растет для будущих забав развратного помещика ангелоподобная сестра Вадима Ольга. Мечь Вадима приближается тем, что до Пензенской губернии докатывается пугачевское восстание — эту тему Лермонтов открыл раньше Пушкина. Но до исполнения замысла Вадима он роман не довел.

В ноябре 1834 года Лермонтов — корнет лейб-гвардии Гусарского полка и принят в свете. «Теперь я не пишу романов, я их делаю», — сообщал он своей родственнице А.М. Верещагиной весной 1835 года. В этом письме и в предыдущем (М.А. Лопухиной от 23 декабря 1834 года) Лермонтов рассказал об одном из таких «романов» — с вновь встреченной Екатериной Сушковой. Были и другие. По воспоминаниям Н.М. Сатина, Лермонтов «не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеиваясь над своими *любовями* и волокитствами». Поэтесса Е.П. Ростопчина писала о донжуанстве Лермонтова:

«...он забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покидать и оставлять в тщетном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюбленного в продолжение нескольких дней... Мне случалось слышать признания нескольких его жертв...»

Любя женское общество (как и Печорин в «Герое нашего времени»), Лермонтов практически обосновывал тезис своего стихотворения «К ***» («Я не унижусь пред тобою...», 1832) из «ивановского» цикла: «Иль женщин уважать возможно, / Когда мне ангел изменил?» Впоследствии В.В. Розанов мельком упомянул о «женственном сложении» души Лермонтова. Но поэт не был певцом женской души. Ни в лирике, ни в поэмах, ни в драматургии, ни в повествовательной прозе он не создал женского образа, соотносимого с пушкинской Татьяной.

Екатерина Сушкова была сиротой и мечтала вырваться из-под опеки нелюбимой тетки. Это развило в ней кокетство, которое признавала ее кузина Е.П. Ростопчина, а Лермонтов и гиперболизировал. Он решил посчитаться с ней за прошлое, стал изображать влюбленного. «Я публично обращался с нею, как если бы она была мне близка, давал ей чувствовать, что только таким образом она может покорить меня», — рассказывал он

в письме Верещагиной. Лермонтов был уже не мальчик, а гвардейский офицер. Сушкова поверила ему. Он же неожиданно «публично ее покинул», «стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден», а затем еще и написал анонимное письмо, постаравшись, чтобы оно попало к опекунше Сушковой. В письме говорилось (якобы от имени доброжелателя) о том, что Лермонтов ее недостойн и все равно откажется от брака, сославшись на запрет бабушки. В доме разразилась гроза, а Лермонтов был очень доволен своей мстостью. Знакомство с Сушковой он не прекратил и в 1838 году был шафером на ее свадьбе с дипломатом А.В. Хвостовым. В предисловии к своим «Запискам», первым по времени создания мемуарам о Лермонтове, Е.А.Хвостова писала:

«Многие убедятся, что Печорин и он так схожи, так слиты, что иногда не различишь одного от другого... Сердце у Лермонтова было доброе, первые порывы всегда благородны, но непонятная страсть казаться хуже, чем он был, старание изо всякого слова, изо всякого движения извлечь сюжет для описания, а главное, необузданное стремление прослыть “героем, которого было бы трудно забыть”, почти всегда заставляли его пожертвовать эффекту лучшими сторонами своего сердца».

Лермонтов и сам оказался жертвой этого «романа». Возможно, под влиянием слухов о нем и под давлением родителей, не получая писем от Лермонтова, Варенька Лопухина согласилась выйти замуж за немолодого и некрасивого помещика Н.Ф. Бахметева (1835); с другой стороны, жестокую развязку истории с Сушковой могло подстегнуть известие о скором замужестве Вареньки. Бахметев заставил ее уничтожить письма Лермонтова, все, что тот ей дарил и посвящал. А в творчестве Лермонтова появилась героиня с родинкой, вышедшая замуж не по любви и внутренне верная другому. Ее зовут Верой в романах «Княгиня Лиговская» (1836), «Герой нашего времени» (1840) и прозаической драме «Два брата» (1834–1836). В «Княгине Литовской» линия «Жорж Печорин — Негурова» воспроизводит отношения с Сушковой, но Печорин несколько старше Лермонтова, он участник польской кампании 1831 года. В романе две основные сюжетные линии: первая — отношения блестящего гвардейского офицера Печорина с Верой Литовской (социальный статус мужа Вареньки повышен до княжеского), вторая — его конфликт с гордым, происходящим из старого шляхетского рода, но бедным чиновником Красинским, который не может вызвать пренебрежительно относящегося к нему Печорина на дуэль, так как в случае его гибели без средств к существованию останется его мать. Этот социально-психологический роман был большим шагом вперед от ультраромантического, в духе французской «неистойвой словесности», романа о горбаче Вадиме, но он также не был закончен. По мнению В.М. Фишера, «автор запутался в двух завязках — одной — любовной, другой — социальной (столкновение с чиновником), не соприкасавшихся друг с дружкой. Социальные проблемы интересовали Лермонтова, но для этого необходимо было присмотреться к быту, между тем поэт был слишком лиричен по настроению». Хотя в 1833–1835 годах он почти не обращался к лирике и среди немногих стихотворений 1836 года к классическому уровню приближается лишь одно, притом с эпическим элементом, — «Умиравший гладиатор», лирическое, субъективное начало в лермонтовском творчестве остается весьма заметным. Сильно оно и в поэмах 1833–1836 годов «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Боярин Орша», «Сашка», и в самой значительной из пьес Лермонтова — стихотворной драме «Маскарад» (1835), где высший свет выведен в далеко не привлекательном виде, а высокий романтический герой Евгений Арбенин, видящий воплощение чистоты лишь в своей жене Нине (для него это последнее оправдание существования), оказывается обманут и обманывается сам. Отравив невинную Нину по подозрению в измене и обесчестив также напрасно подозреваемого в коварстве князя Звездича, Арбенин мнит себя — и тоже напрасно — вершителем справедливости.

Лермонтов не спешил отдавать свои произведения в печать. Написанное для Е.А. Сушковой стихотворение «Весна» появилось в журнале «Атеней» за 1830 год (часть IV), но лишь с подписью «L». Осенью 1834 года родственник Лермонтова юнкер

Н.Д. Юрьев без спроса автора отнес его поэму «Хаджи Абрек» в «Библиотеку для чтения», где она в следующем году появилась с подписью Лермонтова. По словам А.П. Шан-Гирея, «Лермонтов был взбешен, по счастью, поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать». В том же 1835 году он предпринял, однако, попытку провести «Маскарад» на сцену. Цензор Е. Ольдекоп драму не пропустил по причине «непристойных нападок» на костюмированные балы в доме Энгельгардтов и на «дам высшей знати». Шеф жандармов А.Х. Бенкендорф нашел в пьесе прославление порока (убийца своей жены Арбенин оставался безнаказанным) и желал, чтобы она кончалась «примирением между господином и госпожой Арбениными». Лермонтов подготовил новую редакцию (ее считают основной), добавив четвертый акт с фигурой Неизвестного, раскрывающего глаза Арбенину. Но требований, направленных на решительное изменение всего содержания драмы, Лермонтов не выполнил и разрешения на ее постановку не получил. В 1836 году он на основе «Маскарада» создал пятиактную пьесу «Арбенин», куда менее социально острую, с мнимым отравлением Нины (у которой появилась подлинная интрига с князем Звездичем) и с отъездом Арбенина, порывающего со светом навсегда. Однако и «Арбенин» не был разрешен к постановке.

Как поэт Лермонтов прославился мгновенно и без помощи печатного станка или сцены. 28 января 1837 года, когда распространился слух о смерти А.С. Пушкина (на самом деле Пушкин скончался 29 января), Лермонтов написал «Смерть поэта». Стихотворение при помощи друга Лермонтова С.А. Раевского широко распространилось в списках. Первоначально заключавшееся строкой «И на устах его печать», оно вызвало спокойный и чуть ли не доброжелательный прием властей. Но в обществе и после смерти Пушкина продолжались толки о нем и о Дантесе, многие принимали сторону последнего. Среди них оказалась бабушка Лермонтова. Это он стерпел, но не смог стерпеть слов своего сверстника и двоюродного дяди камер-юнкера Н.А. Столыпина, который осуждал поведение Пушкина и, по словам С.А. Раевского, «в особенности настаивал, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от влияния законов, что Дантес и Геккерн, будучи знатные иностранцы, не подлежат ни законам, ни суду русскому». Ответом на эти слова явились написанные во второй половине того же дня, 7 февраля, дополнительные 16 строк «Смерти поэта», где светским виновникам гибели Пушкина, придворным Лермонтов грозил «божьем судом». Теперь А.Х. Бенкендорф подал царю докладную записку. Там говорилось: «Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». Николай I распорядился «старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он», Лермонтов был арестован и на следствии под угрозой отдачи в солдаты рассказал о роли Святослава Раевского в распространении стихотворения, что потом тяжело переживал, радуясь великодушию по отношению к нему друга, сосланного в Олонецкую губернию. Сам Лермонтов был отправлен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк прапорщиком (фактическое понижение в чине на три класса по Табели о рангах). Находясь под арестом, он спичкой, обмакиваемой в самодельные чернила из вина и сажи, написал стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»), «Сосед» и переделал старое стихотворение «Желанье» («Отворите мне темницу...») в «Узника».

На Кавказе в 1837 году Лермонтову не пришлось участвовать в боевых действиях, но он, как писал осенью С.А. Раевскому, «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии...» Дважды в своих путешествиях ему пришлось отстреливаться от горцев, притом один раз втроем от «шайки лезгин». В Тамани Лермонтова обокрали, как потом его героя Печорина. 5 октября однокашник Лермонтова Н.С. Мартынов писал отцу из Екатеринодара:

«Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил; но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои».

В семье будущего убийцы поэта стали подозревать Лермонтова в неблагородном интересе к чужой переписке.

Хлопоты бабушки и доброжелателей Лермонтова в этот раз увенчались успехом довольно скоро. 10 октября Николай I под Тифлисом делал смотр частям Кавказского корпуса. Четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка были найдены царем в отличном состоянии. Лермонтова тогда в Тифлисе не было, но косвенное влияние на его судьбу смотр мог оказать, так же как его официальный поэтический дебют: в мае в бывшем пушкинском «Современнике» было напечатано «Бородино» (единственная публикация, подписанная «М. Лермантов» — форма фамилии, от которой поэт уже отказался), а весь этот год проходил под знаком 25-й годовщины отечественной войны, император же любил, когда прославляли русское оружие; впоследствии Лермонтов подготовил рукопись «Демона» для чтения при дворе, и, «по словам А.И. Философова, высокие особы, которые удостоили поэму прочтения, отозвались так:

«Поэма — слов нет, хороша, но сюжет ее не особенно приятен. Отчего Лермонтов не пишет в стиле “Бородина” или “Песни про царя Ивана Васильевича”».

Особам, принадлежащим к царствующему дому, импонировала народность.

В октябре император принимает решение о переводе Лермонтова корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, расквартированный среди новгородских военных поселений; поэт прибыл туда, побывав в Петербурге, только 26 февраля 1838 года, а через месяц военный министр А.И. Чернышев получил представление от Бенкендорфа о прощении Лермонтова и возвращении его в лейб-гвардии Гусарский полк, который стоял под Петербургом. Его офицеры могли большую часть времени проводить в столице. Но в письмах Лермонтова мысль об отставке, впервые высказанная осенью 1837 года, когда он находился в Тифлисе, становится устойчивым мотивом. Против отставки выступает Е.А. Арсеньева.

Лермонтов сообщал М.А. Лопухиной в конце 1838 года:

«Я пустился в *большой* свет. В течение месяца на меня была мода, меня буквально разрывали... Все эти люди, которых я поносил в своих стихах, стараются осыпать меня лестью. Самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихов и хвастаются ими как триумфом. Тем не менее, я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили».

В последние годы Лермонтов пережил увлечения М.А. Щербатовой, Э.К. Мусиной-Пушкиной, Е.П. Ростопчиной, но такой любовной лирики, какая была в раннем его творчестве, они не вызвали.

В 1838 году без фамилии Лермонтова были опубликованы две его поэмы — «Песня про... купца Калашникова» и «Казначейша», с 1839 года Лермонтов уже с фамилией начинает печатать свои новые лирические стихотворения. В марте в «Отечественных записках», редактируемых А.А. Краевским, с которым Лермонтов подружился и которому отдавал большую часть предназначавшегося им для печати, появилась повесть «Бэла. Из записок офицера о Кавказе», в ноябре — «Фаталист», в примечании извещалось, «что М.Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей, и напечатанных и ненапечатанных». 9 февраля 1840 года В.Г. Белинский под впечатлением от «Казачьей колыбельной песни» пишет В.П. Боткину:

«Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится *третий* русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника».

Названное стихотворение было напечатано в одной (февральской) книжке журнала с «Таманью», а чуть позже двумя частями-томиками издан «Герой нашего времени». Это

название предложил опытный журналист Краевский взамен более аморфного авторского «Один из героев нашего века». В июне книгу прочитал Николай I и был раздражен: он поначалу решил, что «героем наших дней» будет непритязательный служака Максим Максимыч, а содержание второй части и отнесение заглавной формулы к Печорину вызвали у императора (в письме к жене) следующие соображения:

«Таковыми романами портят нравы и ожесточают характер». «Какой же это может дать результат? Презрение или ненависть к человечеству!»

Лермонтов окончательно уронил себя в глазах венценосца.

К тому времени его уже опять не было в Петербурге. 18 февраля Лермонтов дрался на дуэли с сыном французского посла Э. де Барантом. Хотя дуэль закончилась без жертв, Лермонтов был арестован и заключен в Ордонанс-гауз. Там его посетил Белинский, который затем писал Боткину:

«Л<ермон-тов> слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает».

13 апреля Николай I распорядился «поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином», то есть с фактическим понижением в два чина (перевод из гвардии в армию); оскорбительным для кавалериста был перевод в пехоту. Но, вновь попав на Кавказ, Лермонтов участвовал в боях фактически как офицер-кавалерист, проявив исключительное бесстрашие; в октябре он возглавил «летучую сотню», составленную из «охотников», и отличился в двух делах. Наиболее кровопролитное сражение, в котором участвовал Лермонтов, произошло между двухтысячным отрядом генерала А.В. Галафеева и чеченцами, силы которых поэт оценивал в шесть тысяч человек, 11 июля 1840 года у реки Валерик. Это сражение совершенно по-новому, с реалистической простотой и конкретикой, описано в большом стихотворении «Валерик» («Я к вам пишу случайно; право...»). Батальное описание в нем сочетается с изливанием чувств и мыслей, как в дружеском послании. Адресат стихотворения — Варвара Александровна Бахметева.

В декабре Николай I разрешил Лермонтову двухмесячный отпуск. Но представления начальства о его награждении орденом и золотой полусаблей не получили хода; не была уважена и просьба Галафеева в рапорте от 9 декабря перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства», то есть с правом выслуги считая со времени производства в этот чин. 5 марта 1841 года рапортом командира Отдельного Кавказского корпуса Лермонтов был представлен к награде за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 года. 30 июня 1841 года в награде было отказано.

В отсутствие Лермонтова, 25 октября 1840 года, в Петербурге вышел единственный прижизненный сборник его стихов — «Стихотворения М. Лермонтова». Из всего им написанного (четырёх сотен стихотворений, двух десятков законченных поэм) он отобрал лишь две поэмы и 26 стихотворений, из них только одно раннее — 1832 года («Русалка»). Произведения не группировались по жанрам или темам, но напечатанные первыми явно рассматривались как программные, а замыкался сборник «Тучами», где говорилось о новом изгнании поэта. Расположение произведений было таково: «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Бородино», «Узник», «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»), «Дума», «Русалка», «Ветка Палестины», «Не верь себе», «Еврейская мелодия (Из Байрона)» («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..», 1836), «В альбом (Из Байрона)» («Как одинокая гробница...», 1836), «Три пальмы (Восточное сказание)», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Дары Терека», «Памяти А.И. О-го», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «Казачья колыбельная песня», «Журналист, читатель и писатель», «Воздушный корабль (Из Зейдлица)», «И скучно и фустно», «Ребенку» («О грезах юности томим воспоминаньем...»), «Отчего», «Благодарность», «Из Гёте» («Горные вершины...»), «Мцыри», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Сосед» («Кто бы ни был ты, печальный мой сосед...»), «Расстались мы; но твой портрет...», «Тучи».

«На половине масленицы» (5–6 февраля) 1841 года Лермонтов приехал в Петербург, сразу явился в армейском мундире на бал к графине А.К. Воронцовой-Дашковой и как фактом своего присутствия, так и беззаботной веселостью разгневал великого князя Михаила Павловича. Вскоре вышло второе издание «Героя нашего времени» с добавлением авторского предисловия, в котором Лермонтов рассуждал о пороках Печорина и всего поколения в соответствии с тем, как был воспринят роман большинством читателей и критикой, а не с подлинной идеей автора (который, показывая героя времени, дает «его критику и обсуждение при общей несомненно положительной оценке его», что раскрыл в своей статье Белинский).

Отпуск был для Лермонтова хорошим временем. Как полагала Е.П. Ростопчина, с которой он тогда познакомился и подружился, эти месяцы (но не три, как она пишет, а немногим более двух) были «самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружественной обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе благодаря его неисчерпаемой веселости». Однако попытка Лермонтова выйти в отставку, чтобы предаться литературной деятельности (он даже говорил с Краевским об издании своего журнала с предпочтением отечественных, а не переводных, как у Жуковского, произведений), не удалась. Лермонтов уже навоевался («Я думал: жалкий человек, / Чего он хочет!., небо ясно, / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он — зачем?») – писал он в «Валерике») и не хотел возвращаться на Кавказ, оттягивал отъезд. Перед отъездом и потом в Пятигорске он говорил разным людям о своем предчувствии, что ему очень мало осталось жить. О том же свидетельствует написанное тогда стихотворение «Сон».

Около 11 апреля Лермонтов получил предписание в 48 часов покинуть Петербург и утром 14-го выехал к месту прохождения службы. 9 мая он вместе со своим другом и двоюродным дядей А.А. Столыпинам (Монго), который был на два года моложе и на два года старше, прибыл в Ставрополь, где ими было получено назначение в отряд для участия в экспедиции на левом фланге. Но в крепости Георгиевской Лермонтов стал уговаривать Столыпина повернуть в другом направлении — в Пятигорск, на воды. Жребий — брошенный полтинник — решил дело. Друзья поехали в Пятигорск и сказались больными.

Они постарались провести там время не без удовольствия. В частности, 8 июля Лермонтов организовал для пятигорской публики бал в гроте Дианы. И вместе с тем он весной–летом 1841 года создавал свои лучшие последние стихотворения.

В конце июня Николай I, узнав, что Лермонтов в Тенгинском полку не находился, написал:

«Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку».

Это предписание пришло на Кавказ уже после гибели Лермонтова. 13 июля Николай Мартынов, выведенный из себя постоянным подтруниванием Лермонтова над его пристрастием к вооружению, вызвал его на дуэль. На следующий день Лермонтов и Столыпин отправились в Железноводск, куда утром 15-го приехало еще несколько человек из Пятигорска, в том числе юная родственница Лермонтова Екатерина Быховец, напоминая ему Вареньку Лопухину: «...я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был»¹, – писала она в письме. После обеда,

¹ Здесь ключ к расшифровке стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841), обращенного, очевидно, к Быховец и имеющего в виду Вареньку. Слова «огонь угаснувших очей» означают в нем глаза, потухшие от печали, от разлуки.

уезжая, он сказал: «Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни». Между шестью и семью часами вечера на склоне горы Машук Лермонтов был убит наповал. Священника с трудом уговорили сопровождать похоронную процессию, но «погребение пето не было».

В апреле 1842 года по просьбе Е.А. Арсеньевой тело Лермонтова было перевезено из Пятигорска в Тарханы, отпето в кладбищенской церкви и похоронено в склепе рядом с могилами деда и матери. Лермонтов погиб в расцвете своих творческих планов, не дожив до двадцати семи лет. Белинский в рецензии на второе издание «Героя нашего времени», оплакивая Лермонтова, писал:

«Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство...»

Допустимо предположить, что роман-эпопея вроде «Войны и мира» мог появиться в русской литературе гораздо раньше 60-х годов и Лермонтов мог стать предшественником Л. Толстого не только в батализме и психологизме, но и в создании широкой исторической картины русской жизни.